

5. О потерянных трупах, сыромядях и «подарке женщинам»

Традиционный образ двуипостасного, биокультурного существа не исчерпывает человека, который обладает не только своим Другим (натуральным, семейно-родовым, продолженным во плоти) и своим Своим (способностью замещать себя и в себе), но и другим Другим: переработанной природой, сублимированной естественностью, возвышенностью (о которой, с легкой руки Ж.-Ф. Лиотара, так много говорят теперь).

Как достигается сублимированность? Посредством стирания естественного. Естественно умирать — человек умирает, зарывая труп в землю, сжигая его, отдавая его на съедение хищным птицам и т. п. То, что идет нам в пищу, уничтожено нами дважды: сварено, зажарено, отмочено, размельчено, отбито, засолено³⁶. Половые извращения сродни любви (что остро ощутили Вл. Соловьев в «Смысле любви» и Н. Бердяев в «Метафизике пола и любви»); и перверсивность, и индивидуализация полового инстинкта одинаково направлены против женщины (воспроизводительницы рода) как таковой.

Культура сталинизма свела на нет другое Другое в человеке так же, как и его свое Другое и его свое Свое. При этом она впала в некое неразрешимое внутреннее противоречие. С одной стороны, она позволяла Человеку быть биологическим явлением, с другой, — толкала его в отприродность, в дочеловечность. Мы приведем ниже несколько примеров, подкрепляющих утверждение о том, что сталинская культура не признавала другого Другого в нас. Разумеется, не каждый соцреалистический текст десублимирует человека во всей полноте регрессивной мысли о нем. Если бы текст мог реализовать все возможности системы, к которой он принадлежит, то это означало бы, что система текстов способна к самопониманию. Диахроническая система, однако, не поддается постижению изнутри себя. Текст невольно обманывает читателя, умалчивает о самом главном, сообщает не то, что сообщает. Герменевтично историческое «я», сменяющее иное «я». Отрицание другого Другого в нас, подобно всем прочим отрицаниям, которые сформировали соцреалистическую культуру, проглядывает в ее текстах и в ее, как сказал бы Ю. М. Лотман, поэтике повседневного поведения как тенденция.

Вскоре после конца Второй мировой войны улицы советских городов были очищены от похоронных процессий: предание покойника земле — не дело общества. Нам опять понадобится Мавзолей Ленина, но в ином истолковании, чем то, которое было дано ему раньше: умершего нельзя, с точки зрения тоталитарной культуры, умерщвлять еще раз. Тело умершего, неважно позитивен он или негативен (у контргуманной культуры есть ценности, превосходящие положительность и отрицательность), исчезает, не будучи похороненным: молодогвардейцев в романе Фадеева казнят, сбрасывая в шахту, Грацианский у Леонова уходит из жизни, утопившись в проруби. Каверин посвятил незахороненному телу целый роман — в «Двух капитанах» (1938—1944) речь идет о поисках бранных останков арктической экспедиции. Хармс дистанцировался от соцреалистического окружения, сделав мотив пропавшего (украденного) трупа комичным («Старуха», 1939).

Если взглянуть на портрет А. Н. Толстого, выполненный Кончаловским (1940—1941), то может показаться, что соцреализму был свойственен культ еды. Дело в том, однако, что окорок, который живописал Кончаловский, нельзя съесть в одиночку. Пищевое изобилие, столь любимое живописью соцреализма, — противоположность еды. В «Колхозном празднике» (1937) Пластова она лежит нетронутой (вместо того чтобы есть колхозники смотрят на портрет Сталина). Чем насыщаются люди сталинской эры? Вот пара выдержек из «Повести о настоящем человеке»: «Ни минуты не задумываясь (ср. выше об отрицательном самосознании то-

талитариста. — *И. С.*) над тем, что ежи считаются, по поверью, животными погаными, он быстро сорвал со зверька чешую листвы... Ударом кинжала Алексей убил ежа... и с наслаждением (*sic!*) стал рвать зубами еще теплое, сизое, жилистое мясо, плотно приросшее к костям... Маленькие насекомые (герой «Повести...» питается муравьями. — *И. С.*) яростно защищались. Они искушали Алексею руку, губы, язык (еда ест едящего. — *И. С.*), они забирались под комбинезон и жалили тело, но эти ожоги были ему даже приятны (*sic!*)»³⁷. Когда Мересьева подбирают крестьяне, они отдают ему единственную их курицу, обрекая себя тем самым на голод (курицу зовут «Партизаночка» — еще один пример затаенного каннибализма, свойственного негативной антропологии).

Правильное использование съедобного отнимает у него его назначение и даже делает его прямо противоположным средству поддерживать жизнь: Чапаев в кинофильме братьев Васильевых расставляет на столе картофелины, показывая, как вести бой.

Чтобы насытиться, нужно убить человека. Иллюстрируя это утверждение, нам придется привести длинную цитату из романа Вирты «Одиночество» (1935): «Человек повернулся на спину, из живота булькала кровь... Сторожев поднял обрез. В затворе был один патрон. Он приставил дуло ко лбу раненого, зажмурился и дернул спуск. Осечка. Сторожев грубо и длинно выругался, взвел курок снова, спустил еще раз... Потом он взял человека за ногу, отволоч его в дальние заросли камыша. Там он с трудом разогнул окостеневшие пальцы и вытащил из них карася... Забыв об убитом, словно его и не существовало... он развел костер, кое-как изжарил карасей (даже готовя пищу, персонаж соцреализма остается живоглотом. — *И. С.*) и съел их полусырыми с хлебом и солью»³⁸.

Народная молва неспроста окрестила принятый ЦИК СССР 7 марта (накануне Женского дня) 1934 года закон «Об уголовной ответственности за мужеложество» «подарком женщинам». Тоталитаризм защищал женщину от непроевдительного мужчины. И заодно от любви (схожей с песней, которую, по словам Щипачева, «нелегко сложить»). На картине Самохвалова «Член Осоавиахима» (1932) женщина изображена с противогазом и винтовкой. Женщина оборонена. Она истребляет насильников (в «Оптимистической трагедии», в «Хлебе»). Соцреализм даровал Природе оружие против Культуры. Многолетние матери были приравнены к героям ратного мирного труда: специальная медаль отмечала тех женщин, которые были не чем иным, как бесперебойно рождающими биоустройствами.